

Французское духовенство въ концѣ XVIII в. (въ періодъ революціи).

До начала революціоннаго движенія во Франціи отношеніе римскаго католицизма къ государственной власти опредѣлялось конкордатомъ 1516 года, по которому были утверждены нѣкоторыя папскія притязанія (въ отмѣну „галликанскихъ вольностей“) и отмѣнены нѣкоторыя противныя главенству папы воззрѣнія (воззрѣніе о томъ, что вселенская Церковь выше папы). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, королевская власть пріобрѣтала нѣкоторыя важныя преимущества: напр., назначеніе высшаго духовенства (10 архіепископовъ, 83 епископа и 523 аббатовъ). Въ концѣ XVII в. (въ 1682) французское духовенство формулировало четыре положенія, которыми снова опредѣлялось отношеніе Рима къ Франціи, именно: 1., папа не имѣетъ никакой свѣтской власти надъ государями; 2., вселенскій соборъ выше папы; 3., примѣненіе папской власти во Франціи должно быть опредѣляемо и ограничиваемо канонами и обычаями частныхъ (помѣстныхъ) церквей; 4., даже въ вопросахъ вѣры папскія опредѣленія не могутъ признаваться непогрѣшимыми и для принятія ихъ требуется согласіе церкви (мѣстной). Въ Римѣ эти положенія были осуждены, тѣмъ не менѣ парламентъ принялъ ихъ, и они дѣйствовали до того времени, когда начался бурный политическій переворотъ въ 1789 году. Эти предварительныя замѣчанія необходимы для того, чтобы уяснить положеніе духовенства во Франціи въ концѣ XVIII в. Оно пользовалось

значительную свободою сравнительно съ духовенствомъ въ Италіи, Испаніи и Австріи; оно стояло въ тѣсныхъ связяхъ съ государственною властію и въ полной зависимости отъ нея. Римскій католицизмъ признавался государственною церковью, потому что правительство смотрѣло на Францію, какъ страну безусловно католическую. Французскіе короли при вступленіи на престолъ давали клятву „преслѣдовать“ всякую ересь; р.-католическое духовенство вообще держало въ своихъ рукахъ народное образованіе; а высшее духовенство, т. е. епископы, соборный клиръ (капитулы) и аббаты (монахи, по своему положенію надѣленные поземельною собственностію), стояло въ тѣсной связи съ высшими слоями общества (аристократіею); такимъ образомъ духовенство могло бы имѣть весьма сильное вліяніе на духовную жизнь всѣхъ классовъ народонаселенія, если бы только оно соответствовало тѣмъ идеальнымъ требованіямъ, которыя предъявляются къ клиру правилами церковной жизни. А этого именно и не было. Оно (духовенство) прежде всего рѣзко распадалось на двѣ половины: высшій клиръ и низшій. Собственно только первый занималъ привилегированное положеніе на ряду съ аристократіею, съ которою онъ былъ связанъ кровными узами. Имѣя огромныя богатства, надѣленный правами и преимуществами, этотъ клиръ не только не несъ никакихъ государственныхъ повинностей, но еще пользовался специальными налогами, педшими почти цѣликомъ въ его пользу (церковною десятиною) и имѣлъ возможность представлять свои просьбы и печалованія о цуждахъ непосредственно на имя короля. Такое положеніе высшаго клира было завиднымъ даже для многихъ аристократовъ, и они стремились къ занятію высшихъ церковныхъ должностей и служеній, конечно, только съ тою цѣлію, чтобы пріобрѣсти привилегіи клира и выгоды, связанныя съ духовными служеніями: это были скорѣе князья церковные, чѣмъ служители церкви. Всѣ эти прелаты, епископы, аббаты и др. предпочитали жить въ столицѣ вопреки канониче-

скимъ предписаніямъ о безотлучномъ пребываніи на мѣстахъ своего служенія. Въ своихъ просьбахъ къ королю даже наканунѣ революціи въ 1788 г. они хлопотали только о своихъ правахъ и преимуществахъ, а заботы о церкви сводились у нихъ къ просьбамъ о преслѣдованіи „еретиковъ“. Въ судьбѣ христіанства во Франціи высшій клиръ былъ мало заинтересованъ; онъ жилъ политикою; а трудное дѣло пастырства, т. е. религіозно-правственное воспитаніе народа представлялъ своимъ викаріямъ, т. е. замѣстителямъ; часто это были безвѣстные въ высшихъ кругахъ труженики, которые несли всѣ тяжести священнослуженія и воспитанія народа, получая самое скромное, даже скудное содержаніе. Въ высшихъ и среднихъ кругахъ общества разливается широкою волною невѣріе, а между прочимъ среди высшего духовенства мы почти не находимъ ни апологетовъ христіанства, ни знаменитыхъ проповѣдниковъ. Наоборотъ, среди членовъ высшего клира замѣчаются люди „свободомыслящіе“ (*libres penseurs*), т. е., по просту говоря, совершенно невѣрующіе. А такъ какъ высшій клиръ пополнялся по назначенію отъ короля, то въ глазахъ народа королевская власть, аристократія и высшее духовенство совершенно и, нужно сказать, правильно смѣшивались и представляли ту силовую силу, которую нужно было испровергнуть. Вотъ гдѣ простая причина того, что р.-католицизмъ во Франціи конца XVIII в. обратился изъ господствующаго вѣроисповѣданія въ гонимое. И дѣйствительно, что могъ сдѣлать низшій клиръ для предотвращенія этой бѣды? Онъ страдалъ въ полномъ смыслѣ этого слова отъ бѣдности и произвола епархіальной власти; по крови онъ (низшій клиръ) стоялъ ближе къ простонародью, и въ государственныхъ реформахъ видѣлъ обезпеченіе будущаго, лучшаго какъ для Церкви, такъ и для самого себя. Поэтому не удивительно, что низшее духовенство съ самаго начала революціоннаго движенія стало въ ряды недо-

вольныхъ массъ, и содѣйствовало успѣху революціоннаго движенія ¹⁾).

Вотъ та историческая канва, на которой рисовалась картина отношеній французскаго народа къ христіанству во время государственныхъ переворотовъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка.—Революціонеры не отличали Церкви отъ лицъ, ее представляющихъ, и недовольство на представителей Церкви переносилось на идею, воплощаемую Церковію. Но государство было такъ тѣсно связано съ Церковію, что затронуть его значило затронуть и представителей Церкви. Духовный авторитетъ высшими представителями Церкви былъ утраченъ; а внѣшній авторитетъ, которымъ поддерживалось ея прѣжнее могущество, былъ тотъ же самый правительственный (бюрократическій) авторитетъ, которому приходилъ конецъ, потому что онъ не обезпечивалъ народъ отъ поправленія всѣхъ божескихъ и человѣческихъ правъ.

Въ то время среди французскаго народа началась проповѣдь о равенствѣ, братствѣ и свободѣ всѣхъ людей съ точки зрѣнія формально-правовыхъ воззрѣній на отношеніе людей между собою. Что же стали дѣлать высшіе представители церкви? Какъ они отнеслись къ этому? Въмѣсто того, чтобы заняться выясненіемъ истинно-христіанскаго смысла этихъ понятій (МѠ. V, 44—48), они, какъ бы закрывая глаза на то, что эти понятія заимствованы изъ ученія Господа нашего Иисуса Христа, стали проповѣдать о

¹⁾ Свѣдѣнія по этому вопросу мы можемъ найти у А. Ендера въ его книгѣ *Geschichte d. Katholischen Kirche*. Einsiedeln, 1900, стр. 839—840. Указываемъ на этого именно писателя, потому, что онъ—решительный защитникъ римскаго католицизма (крайній ультрамонтанинъ). Онъ говоритъ, что въ то время, какъ 131 епископъ имѣли 14 милліоновъ дохода, т. е. по 106 тысячъ въ годъ, низшіе клирики получали по 300—700 ливровъ и при этомъ должны были платить церковныя подати.—О привилегіяхъ дворянства и духовенства смотри у него же стр. 841—842. (Указываемъ именно этого автора, чтобы не встрѣтить упрековъ въ пристрастіи).

томъ, что безусловнаго равенства, братства и свободы никогда не было и быть не можетъ. Но вѣдь дѣло шло совсѣмъ не объ этомъ. Дѣло шло о равенствѣ всѣхъ предъ закономъ, въ основѣ котораго (по идеѣ) долженъ быть законъ нравственный. Они начали также проповѣдать о необходимости безусловнаго повиновенія законамъ, происходящимъ отъ Богомъ поставленной власти. Но на качество этихъ законовъ вниманія не обращалось; не обращалось вниманія на ихъ отношеніе къ духу христіанства. Такою постановкою дѣла высшее духовенство скомпрометировало себя, и въ такомъ отношеніи его къ начавшемуся народному движенію нужно искать происхожденія того по истинѣ грустнаго факта, который извѣстенъ въ исторіи Франціи подъ именемъ объявленія „культа разума“. Проповѣди такого рода, какъ выше указанныя, должны были казаться „неразумными“ и даже абсурдными, а потому и христіанство въ формѣ римскаго католицизма было также сильно скомпрометировано; невѣріе разливалось широкою волною особенно въ верхнихъ слояхъ европейскаго общества, и если оно не коснулось цѣликомъ народа въ общеупотребительномъ значеніи этого слова, это произошло благодаря тому, что низшіе слои общества стояли близко къ своимъ религіозно-нравственнымъ руководителямъ—къ нашему приходскому духовенству, которое было придавлено и вмѣстѣ съ простымъ народомъ несло тяжести жизни, которое съ народомъ дѣлило его радости и горе. Оно страдало отъ бѣдности, несмотря на то, что не было обременено и связано тягостями семейной жизни; оно было подъ гнетомъ и духовной и свѣтской власти: оно страдало и отъ провинціальной аристократіи, которая своими связями съ высшимъ клиромъ всегда имѣла возможность угнетать приходскихъ священниковъ (curés). Однимъ словомъ, конецъ XVIII вѣка даетъ намъ цѣлый рядъ картинъ, знакомыхъ намъ, близкихъ нашему сердцу, напоминающихъ до мельчайшихъ подробностей жизнь нашихъ деревенскихъ священниковъ по ихъ по-

положенію между простымъ народомъ и деревенскою „знатью“, начиная съ господъ и кончая ихъ „дворецкими“. Слово *cure* (приходской священникъ) сдѣлалось такимъ же унижительнымъ и обиднымъ, почти позорнымъ, какъ и теперь у насъ слово *иоиз*. А между тѣмъ этому то именному духовенству и предстояла необходимость выступить съ своимъ религіозно-нравственнымъ вліяніемъ въ дѣлѣ начинавшагося народнаго разрушительнаго движенія. Что оно могло сдѣлать? Какъ могло оно предотвратить братоубійственную народную рѣзню? Оно не могло съ открытою душою и съ полнымъ убѣжденіемъ выступить на защиту стараго порядка вещей, потому что это значило бы защищать полное погрѣшеніе законовъ божескихъ и человѣческихъ, и потому,—естественно,—оно должно было или оставаться молчаливымъ зрителемъ ужасныхъ событій, или, сознавая справедливость народныхъ требованій, становиться въ ряды недовольныхъ и вмѣстѣ съ ними переживать всѣ ужасы революціи. Къ тому времени во Франціи насчитывалось 35—40 тысячъ приходовъ съ такимъ же количествомъ священниковъ и викаріевъ, и по сохранившимся отъ того времени документамъ можно вывести заключеніе, что $\frac{1}{3}$ приходскаго духовенства приняла дѣятельное участіе въ народномъ движеніи. Впрочемъ, вѣдь во имя чего оно могло бы выступить противъ движенія? Во имя вѣры? Но защитники стараго порядка попирали эту вѣру! Во имя нравственнаго закона? Но защитники стараго уклада жизни не признавали никакихъ законовъ. Выходило даже наоборотъ,—именно: истинно вѣрующій и истинно-нравственный человѣкъ былъ обязанъ возгнать на защиту вѣры и нравственности, и на борьбу противъ невѣрія и безнравственности, царившихъ въ высшихъ слояхъ французскаго общества, для котораго священными были только его собственныя привилегіи. Однако справедливость требуетъ сказать, что не всѣ члены низшаго клира были одинаковы въ своихъ воззрѣніяхъ на революціонное

движеніе, и потому отношенія народа къ нимъ были не одинаковы.

Народное возмущеніе, направленное противъ незаконныхъ притязаній привилегированныхъ сословій одинаково было направлено какъ противъ аристократіи (олигархіи), такъ и противъ духовенства,—главнымъ образомъ высшаго,—которое было носителемъ и выразителемъ средневѣковыхъ преданій: монархія во Франціи въ абсолютныя формы выросла при поддержкѣ церковной власти, которая теперь, въ свою очередь, опиралась на государственную власть. Грозными признаками для римскаго католицизма должны были уже послужить нѣкоторые мѣры правительства противъ Церкви (подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія), которыми прямо или косвенно затрогивалось привилегированное положеніе духовенства въ странѣ, таковы, напр., объявленіе вѣротерпимости по отношенію къ протестантамъ и евреямъ (въ 1787 г.), или еще раньше попытки отобрать въ казну церковныя имѣнія (въ значительной части) и ограничить ихъ увеличеніе на будущее время. Сюда же нужно отнести изгнаніе изъ страны ордена іезуитовъ. Не дѣлая оцѣнки этихъ мѣропріятій съ нравственной стороны, мы должны сказать, что если бы высшій клиръ во Франціи высказалъ большую дальновидность, и большую любовь къ своему дѣлу, то онъ долженъ былъ бы понять, что рано или поздно ему придется отказаться отъ своихъ богатствъ. Для достоинства Церкви и сохраненія ея престижа было бы во много разъ лучше, *если бы высшее духовенство отказалось отъ нихъ добровольно*, но оно упорствовало на ряду съ аристократіей, и потому должно было понести и одинаковую съ нею участь. Въ августѣ 1789 года Національное собраніе (Assamblée nationale) потребовало уничтоженія феодальныхъ правъ съ тѣмъ, чтобы поправить государственную казну. Уже это одно наносило значительный ущербъ высшему духовенству, которое также имѣло феодальныя права. Церковныя имущества теперь были подчинены

налогамъ, а съ народа снята уплата десятины въ пользу „церкви“ (она почти цѣликомъ попадала въ руки высшаго духовенства). Нѣсколько болѣе дальновидно поступилъ епископъ Отѣнскій Талейранъ: онъ предложилъ всѣ церковныя владѣнія объявить національною собственностью; предложеніе было принято: ихъ рѣшено было продать, а духовенству въ замѣнъ этого назначить жалованье. Но, конечно, только немногіе были довольны такимъ порядкомъ вещей, хотя послѣ этихъ засѣданій Собранія въ присутствіи короля и были совершены торжественныя молитвы и благодарственное возглашеніе: „Тебе, Бога, хвалимъ“. . Сопротивленіе недовольныхъ духовныхъ лицъ озлобляло народъ и противо-церковныя мѣры теперь быстрымъ шагомъ слѣдуютъ одна за другою: отмѣна обязанности обѣговъ монашества уже затрогивала дѣло религіозной совѣсти (въ началѣ 1790 года), предоставляя всѣмъ свободу оставить монастырь; а упраздненіе монастырей (въ концѣ того же года) было уже стѣсненіемъ совѣсти тѣхъ, которые хотѣли бы оставаться въ монашествѣ.—Собственно положеніемъ церкви въ государствѣ и опредѣленіемъ ихъ взаимоотношенія Національное собраніе занялось въ юнѣ—августѣ 1790 года, когда была издана „Конституція гражданская о духовенствѣ“ (Constitution civile du clergé). Здѣсь еще не порвана связь церкви съ государствомъ, а только дано церкви новое устройство. Именно: епархіи (епископскіе діоцезы) должны были совпадать съ границами новыхъ департаментовъ, изъ которыхъ каждый долженъ имѣть *одного только* епископа; нигдѣ не должно допускать чужого епископа; всѣ епископы и приходское духовенство должны быть избираемы народными представителями, а не назначаемы, какъ прежде; но этимъ не отмѣнялись отношенія къ папѣ, какъ верховному главѣ церкви. Понятное дѣло, что власть папы такимъ образомъ значительно ограничивалась, да и вліяніе его въ церкви французской значительно должно было уменьшиться. Собственно папскіе протесты противъ со-

вершавшихся реформъ въ отношеніи церкви и духовенства начинаются съ того времени, когда Національное собраніе потребовало отъ духовенства присяги на вѣрность этой,— нужно замѣтить,—утвержденной королевскою властію¹⁾ конституціи; требованіе было предъявлено рѣшительное, и тѣ члены клира, которые не хотѣли дать присяги, должны были считаться лишенными своихъ мѣстъ, а на ихъ мѣста должны были стать новыя лица. Присягу должны приносить: епископскіе викаріи, настоятели и ректоры семинарій, деканы капитуловъ, приходскіе священники и ихъ викаріи, преподаватели семинарій и законоучители свѣтскихъ школъ, и всѣ другія духовныя лица, состоявшія на государственной службѣ²⁾. Вотъ съ этого времени и начинается пагубная для дальнейшей судьбы католицизма рознь и раздвоеніе клира³⁾. Среди депутатовъ „Собранія“ отъ духовенства было 300 человекъ (изъ низшаго клира 207 лицъ, какъ представители „третьяго сословія“, остальные отъ высшаго клира); изъ нихъ около ста лицъ дали присягу въ самомъ Національномъ собраніи, у его трибуны, и такимъ образомъ авторитетно заявили, что конституція не затрагиваетъ ни догматовъ вѣры, ни уставовъ богослужебныхъ, ни порядковъ и правилъ церковной дисциплины. Около одной трети духовенства присягнуло и въ другихъ мѣстахъ Франціи (напр., въ Парижѣ изъ 666 присягнуло 236 лицъ). Но другія лица изъ духовен-

¹⁾ 26 декабря 1790 г.

²⁾ Къ тексту конституціи былъ присоединенъ и самый текстъ присяги, по предложенію *Voidep'a*, члена Національнаго собранія.

³⁾ Одинъ изъ депутатовъ отъ духовенства (Бэгий отъ провинціи Артуа) написалъ защиту присяги; въ защиту ея произносились проповѣди съ церковныхъ кафедръ. Въ особенности въ этомъ отношеніи обнаружилось единодушіе духовенства въ Падокале (департаментъ): въ округахъ Аррасъ, Аміенъ и особенно въ Монтрейль-сюръ-Меръ (сѣверо-западный уголъ Франціи), входящемъ въ этотъ послѣдній округъ. Въ провинціи этого города до пятидесяти священниковъ дали присягу. Въ самомъ городѣ изъ шести приходскихъ двое дали присягу.

ства рѣшительно воспротивились присягѣ и частію лишены были своихъ мѣстъ, а частію оставлены на нихъ только на время, т. е. до пріисканія кандидатовъ на ихъ мѣста. Вотъ эти *неприсяжники* и были главною причиною церковной смуты во Франціи: многіе изъ нихъ бѣжали въ Италію, Испанію и Англію и побудили папу издать буллу противъ церковной конституціи. Бѣжавшихъ было до 8000 человекъ и все главнымъ образомъ члены высшаго клира; ихъ поведение, какъ эмигрантовъ, нужно считать причиною дальнѣйшихъ преслѣдованій духовенства, потому что они на ряду съ другими эмигрантами возбуждали противъ духовной власти народное негодованіе, стараясь и писать, и проповѣдать противъ новаго порядка вещей, хотя для всѣхъ было ясно, что они заботились о старомъ порядкѣ только изъ-за утраченныхъ матеріальныхъ привилегій. Особенною ревностію въ этомъ дѣлѣ отличались тѣ епископы, которые вслѣдствіе новаго распредѣленія кафедръ были должны утратить свои прежнія кафедры, а также тѣ лица, которыя занимали высшія духовныя должности, которыя были тоже упразднены. Всѣ эти лица хотѣли увлечь за собою и своихъ бывшихъ сослужителей; но раздѣленіе между высшимъ и низшимъ духовенствомъ было такъ велико, и нравственное вліяніе высшаго на низшее было такъ незначительно, что послѣднее уже не хотѣло по прежнему оказать безусловнаго повиновенія первому. Оставаясь вѣрнымъ своему папскому долгу, оно не хотѣло бросить свои паствы и примирялось съ новымъ порядкомъ церковно-гражданскихъ отношеній.

Для ознакомленія съ такого рода новымъ, „конституционнымъ“ клиромъ приведемъ два—три примѣра. Одинъ изъ двухъ приходскимъ священниковъ г. Монтрейля, давшихъ присягу на вѣрность конституціи былъ аббатъ *Антоній—Николай Пультье*, происходившій изъ очень многочисленной семьи, которая пользовалась весьма большимъ уваженіемъ въ городѣ. А другой—*Антоній—Іоаннъ Бан-*

тисът *Авѣ* (Havet), приходской священникъ прихода Ст.-Валлуа, стоявшій во главѣ только одного прихода, по происхожденію принадлежавшій къ одному изъ самыхъ старинныхъ и уважаемыхъ городскихъ семействъ. Противъ этихъ двухъ лицъ нельзя было противникамъ присяги духовенства выставить ни одного обвиненія: они не тяготились своими пастырскими обязанностями, ими не руководило ни честолюбіе, ни другія низкія побужденія, когда они подчинились новому закону. Давая присягу Конституціи „церковной“, они заявили о своей привязанности къ вѣрѣ, въ которой они родились. Современные документы особенно много говорятъ о второмъ изъ названныхъ лицъ, т. е. объ А.-І.-Б. Авѣ; онъ родился въ 1729 году, въ томъ же городѣ. По окончаніи семинаріи онъ былъ опредѣленъ священническимъ викаріемъ къ тому же приходу, въ которомъ его застали и годы революціи, т. е. онъ былъ уже тридцать два года священникомъ на одномъ мѣстѣ, когда былъ изданъ законъ о присягѣ духовенства. Въ городѣ онъ былъ всѣмъ извѣстенъ, весь городъ его любилъ, интересы его согражданъ и его паствы ему были дороги, и потому онъ выступалъ всегда, какъ защитникъ ихъ. Другіе священники,—сослуживцы по городу,—весьма цѣнили его, и его они избрали въ 1789 г. для редактированія текста петицій о нуждахъ духовенства на имя короли. Онъ же былъ духовникомъ національной гвардіи („охраны“) со времени ея образованія; былъ въ числѣ делегатовъ въ столицу на праздникъ федераціи 14 іюля 1790 года и присутствовалъ при торжественномъ богослуженіи въ Дуврѣ въ королевской капеллѣ. Проводя время въ дефрессе, дежуривъ въ духовенствѣ, онъ обнаружилъ въ себѣ человека весьма образованнаго, „обладающаго чувствами возвышенными“, такъ что онъ совершенно не подходитъ къ типу тѣхъ лицъ, которые католическими писателями изображаются обыкновенно, какъ измѣнники дѣла Церкви, какъ проходимцы, которые хотѣли со-

ставить себѣ карьеру: ему 63-лѣтнему священнику прихода не нужна была такая карьера.

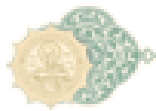
Принесеніе имъ присяги совершилось слѣдующимъ образомъ, какъ говорится въ одномъ изъ городскихъ архивныхъ дѣлъ города Монтрейля. „1791 года, 30 января, въ воскресенье, въ 11 часовъ утра, городской голова (maire), члена городского самоуправления (officiers municipaux) и знатные люди (notables), входящіе въ составъ общаго Совѣта этого города—Монтрейль-сюръ-Меръ, собравшіеся въ ихъ общественномъ домѣ [т. е. въ городской думѣ] по приглашеніямъ письмамъ на имя каждаго изъ нихъ со стороны г. городского головы,—вслѣдствіе письменнаго заявленія въ управу города со стороны господина Авэ (Havet), священника настоятеля прихода Ст.-Валлуа того же города, въ каковомъ заявленіи говорится, что онъ готовъ дать присягу, предписанную 1, 2 и 3 членами опредѣленія Народнаго собранія (Décret de l'Assemblée Nationale) отъ 27 прошедшаго ноября, (опредѣленія) утвержденнаго (sanctionné) Королемъ 26 слѣдующаго декабря, и по соглашенію съ г. городскимъ головою [указанныя лица], возложивъ на себя свои знаки отличія, отправились въ вышеназванный храмъ Ст.-Валлуа; по прибытіи туда они нашли тамъ построеннымъ въ лучшемъ видѣ весь полкъ народной охраны (Garde Nationale) съ генералъ-майоромъ во главѣ, съ развѣвающимся знаменемъ, а также и выше названнаго г. Авэ, настоятеля прихода у алтаря, облаченнаго въ епитрахиль, вполне готоваго принести гражданскую присягу, а вокругъ него прихожанъ, присутствовавшихъ при только что совершенномъ приходскомъ богослуженіи въ ихъ храмѣ. Вслѣдъ затѣмъ, когда каждый занялъ назначенное для него мѣсто, и когда были возглаголены молитвы Высочайшему Существо, двери храма были открыты, и онъ весь наполнился какъ прихожанами Ст.-Валлуа, такъ и другими мѣстными горожанами; вышеназванный г. Авэ, приходской священникъ про-

изпеть“ рѣчь¹⁾... Въ ней онъ заявляетъ свое восхищеніе опредѣленіями „Народнаго Собранія“, привѣтствуетъ г. городского голову, членовъ городского управленія и представителей народной охраны (Garde Nationale), духовникомъ которой онъ былъ. Онъ говорилъ, что ему пріятно принести присягу Конституціи²⁾, „которую столь благочестивый Король освятилъ своимъ утвержденіемъ; да и то нужно имѣть въ виду, что *это [новое] устройство духовенства есть только гражданское и не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что могло бы нанести ущербъ религіозной совѣсти*“. Такимъ образомъ онъ даетъ клятву: заботливо бодрствовать надъ вѣрующими того прихода, который ему врученъ, быть вѣрнымъ Народу, Закону и Королю, и всею своею силою поддерживать Конституцію, опредѣленную народнымъ собраніемъ и принятую Королемъ; въ заключеніе онъ прибавляетъ: *„Милостивые Государи! Законъ поставилъ васъ быть хранителями сей присяги. Заклинаю васъ, позаботьтесь занести ее въ ваши записи (règisters) и разсматривайте ее, какъ вѣрный залогъ моего чистосердечнаго и всецѣлаго повиновенія*“. Послѣ произнесенія рѣчи и присяги при торжественной тишинѣ среди собравшихся³⁾, выступилъ съ рѣчью представитель городского самоуправления. Онъ говорилъ о великомъ значеніи государственной Конституціи, которая выдвинула и возвысила городскія самоуправленія на такую степень высоты, которой они до того времени не имѣли въ силу прежнихъ

¹⁾ Къ сожалѣнію мы не имѣемъ полнаго текста рѣчи о. Авѣ, чтобы составить болѣе опредѣленное воззрѣніе на его образъ мыслей, хотя нужно сказать, что они ясны и изъ отрывковъ, приводимыхъ нами.

²⁾ Разумѣется та часть Конституціи, которая касалась клира (Constitution civile du Clergé).

³⁾ Присутствовавшіе заявляютъ, что и рѣчь и присяга были произнесены съ тѣми отличительными чертами, которыя называются „сочазаніе“.

государственныхъ порядковъ. Въ присягѣ, принесенной приходскимъ священникомъ представитель города видитъ лучшее средство для успокоенія умовъ прихожанъ; раскрываетъ основы, на которыхъ утверждается Конституція о духовенствѣ; онъ заканчиваетъ рѣчь горячимъ привѣтствіемъ этого пастыря приходской церкви, который „восторжествовалъ надъ разными обольщеніями силою своихъ гражданскихъ добродѣтелей“. Последними словами представитель города дѣлаетъ намекъ на то, что этотъ пастырь не хотѣлъ упорствовать въ сопротивленіи новому порядку вещей, и не бросилъ свою паству на произволъ судьбы въ то бурное время. Послѣ присяги была совершена торжественная литургія—месса и молитвословія за Короля, и затѣмъ причащеніе. Собраніе чиновъ городского управленія разошлось послѣ взаимныхъ лобызаній со священникомъ, и благодарности полку народной охраны за его прекрасную выдержку, точность въ исполненіи приказаній и его благорасположеніе къ Церкви.—За недѣлю раньше подобное же торжество совершено было въ другомъ приходѣ того же города, гдѣ священникомъ былъ вышеозначенный А.-Н. Пуэлье.

Такимъ образомъ мы видимъ, что первоначально въ періодъ революціи народное движеніе не только не было направлено противъ церкви по ея идеѣ, но даже проявляло симпатіи къ тѣмъ ея представителямъ, которые не упогребляли напрасныхъ усилій противодействовать движенію и во имя мира Церкви уступали ему тамъ, гдѣ дѣло шло только о государственныхъ преобразованіяхъ, не загроживавшихъ сущности христіанства, и гдѣ постановленія касались только внѣшнихъ римско-католическихъ учрежденій. Наибольшій ударъ этимъ учрежденіямъ наносился только тѣмъ, что въ жизнь духовенства вносилось избирательное начало. Но при разумномъ примѣненіи его отъ этой реформы можно было ожидать только благихъ послѣдствій, потому что и прежде постановленіе клира по назначенію во Франціи не обезпечивало отъ замѣщенія

мѣсть лицами недостойными, такъ какъ наиболѣе отвѣтственные служенія были вручаемы обыкновенно по протекціи, а протесты римской каѳедры не достигали цѣли своей при существованіи конкордата, фактически исключавшаго власть папы въ распредѣленіи церковныхъ служеній. При избира-тельномъ правѣ значительно уменьшилась возможность симоніи, — въ какой бы тонкой формѣ она ни проявлялась. — Образецъ епископскаго избранія соотвѣтственно новому порядку вещей и гражданской Конститутціи клира мы встрѣчаемъ въ томъ же самомъ сѣверо-восточномъ уголкѣ Франціи. Онъ согласно новому распредѣленію департаментовъ образовалъ отдѣльный діоцезальный округъ (Па-де-Калэ); каѳедральнымъ городомъ былъ назначенъ Сентъ-Омеръ. Такъ какъ епископы должны были избираться избирателями другихъ административныхъ лицъ, то эти избиратели и собрались въ г. Аррасѣ 26 марта 1791 года. Послѣ нѣсколькихъ баллотировокъ былъ избранъ приходскій священникъ изъ Гесмонда, по фамиліи Дюфло; но онъ отказался. Новые выборы пали на г. Поріона родомъ изъ Тьерра; онъ родился въ 1743 году и былъ приходскимъ священникомъ въ г. Аррасѣ при храмѣ св. Николая „на каналахъ“; въ епископы Па-де-Калэ онъ былъ избранъ 29 марта 214 голосами противъ 143, въ возрастѣ 48 лѣтъ. Первоначально онъ былъ секретаремъ архіепископа Парижскаго, затѣмъ преподавателемъ въ коллегіи въ г. Аррасѣ. Среди другихъ духовныхъ лицъ онъ пользовался славой оратора и писателя, которой онъ дѣйствительно заслуживалъ. Послѣ избранія его въ епископы, Фердинандъ Дюбуа, предлагаель избирательнаго собранія, обратился къ новоизбранному съ слѣдующею рѣчью: „Милостивый государь! Вамъ недостаточно было обладать только искреннимъ и просвѣщеннымъ благочестіемъ, чтобы объединить въ свою пользу благоволеніе Вашихъ согражданъ. Вамъ нужна была еще рѣшимость для того, чтобы устоять предъ неосновательнымъ опасеніемъ и всяческими кознями, не перестававшими направляться противъ

Васѣ, а также предразсудками, вкоренившимися у Васѣ чрезъ Ваше воспитаніе, и предъ тѣмъ презрѣніемъ, которое Ваши враги,—враги общественнаго блага,—пытались бросить Вамъ въ лице. Вы должнымъ образомъ оцѣнили всѣ эти попытки. Въ своемъ сужденіи Вы руководились исключительно твердостію своихъ убѣжденій (principes) и своею пламенною любовію къ вѣрѣ и отечеству. Этими качествами Вы заслужили избраніе въ пастыри многочисленнаго стада, всегда проданнаго вѣрѣ своихъ предковъ. Ваше прежде обнаружившееся настроеніе,—оно именно,—является вѣрнымъ залогомъ Вашего поведенія и на будущее время, такъ же, какъ и тѣхъ заботъ, которыя Вы должны употреблять для того, чтобы сохранить ту драгоценную сокровищницу, которую ввѣрило Вамъ настоящее Собраніе“. Новоизбранный епископъ былъ посвященъ въ Парижѣ Талейраномъ, бывшимъ еп. Отѣнскимъ, который сталъ на сторону революціоннаго движенія. Рукоположеніе происходило 10 апрѣля; а 13 апрѣля новый, поставленный согласно конституціи, епископъ уже былъ въ своей епархіи и съ мая мѣсяца началъ ея объѣзды. Онъ посѣтилъ города: Кале, Булонь, Монтрейль, о которомъ шла рѣчь выше, и въ которомъ онъ встрѣтилъ особенное благорасположеніе и встрѣчу, тѣмъ болѣе, что одного изъ жителей Монтрейля онъ назначилъ епископскимъ викаріемъ для этой части своей епархіи, именно Франциска-Мартина Шульте, брата уже извѣстнаго намъ приходскаго священника при храмѣ св. Іакова въ Монтрейль. Торжественность встрѣчи обусловливалась тѣмъ, что въ этомъ городѣ и монахи бенедиктинскаго ордена торжественно признали себя сторонниками постановленій Національнаго собранія; да и самъ новый епископъ сумѣлъ произвести доброе впечатлѣніе на народонаселеніе; по словамъ его біографовъ, даже самыхъ враждебныхъ конституціонному духовенству онъ былъ милаго характера, имѣлъ благообразное лицо и проповѣдалъ весьма увѣренно и „съ помазаніемъ“. Аррасскій

журналъ „Другъ Конституціи“ свидѣтельствуеть объ успѣхѣхъ его епархіальнаго путешествія; онъ говоритъ: „Г. Поріонъ дѣлаеть здѣсь весьма великое добро; никто болѣе его не заслуживалъ возведенія въ епископы. Такъ его называютъ „спасителемъ округа“ (департамента). Правда, онъ не былъ въ состояніи обратить [къ конституціи] нашихъ городскихъ священниковъ: они слишкомъ упрямы;—но иначе было съ тѣми, которые въ деревняхъ: теперь они начинаютъ отступать отъ своего заблужденія“. Значеніе этого отзыва понятно. Народныя страсти, возбужденныя движеніемъ политическимъ, еще болѣе были разжигаемы тѣмъ, что къ политическому разладу присоединялась вражда религіозная: пастыри раздѣлились между собою, потому что „присяжное“ духовенство у тѣхъ, которые не хотѣли дать присягу конституціи, считалось отлученнымъ отъ Церкви и на него выливалась всякая грязь, противъ него строились всевозможныя козни и т. д. Неприсяжное духовенство по старымъ средне-вѣковымъ обычаямъ втягивало въру и Церковь въ политико-экономическую борьбу, и такимъ образомъ унижало себя и свое пастырское служеніе: оно дѣлало Церковь игрушкой временно выступающихъ на политическое поприще партій, выставляло Церковь, какъ политическаго двигателя среди другихъ временно дѣйствующихъ силъ; однимъ словомъ, „неприсяжное“ духовенство, ставило непреходящее вѣчное значеніе Церкви на одинъ уровень съ политическими и социальными ученіями и такимъ образомъ подрывало въ глазахъ народа истинное значеніе и силу христіанства. Это духовенство, подстрекаемое изъ Рима (куріею) и изъ другихъ странъ (эмигрантами), упустило изъ виду, что дѣло Церкви и ея задачи нужно поставить выше всѣхъ временныхъ (политическихъ и социальныхъ) интересовъ; что Церковь необходимо освободить отъ искусственно навязываемыхъ ей цѣлей; это духовенство не хотѣло устраниваться отъ вѣшной борьбы, не хотѣло выполнять своего главнаго назна-

ченія: быть религіозно нравственнымъ воспитателемъ народа и его печальникомъ-защитникомъ противъ представителей отживавшаго свое время государственнаго строя. Намъ кажется, что если бы все французское духовенство сохранило единомысліе, а изъ Рима не посылали строгихъ,—въ средневѣковомъ духѣ,—осужденій и проклятій; то судьба римскаго католицизма во Франціи была бы нѣсколько иною,—не такою, какою она оказалась въ XIX в. Не разбѣжись по чужимъ странамъ значительная часть высшаго духовенства, останься оно вѣрнымъ своему пастырскому долгу,—французскій народъ видѣлъ бы, что оно высоко ставитъ народныя интересы, тогда французское правительство того времени не имѣло бы повода къ преслѣдованіямъ его, какъ возмутителя общественнаго спокойствія. Насколько духовенство отнеслось къ своему дѣлу легкомысленно, показываютъ такіе факты, какъ заявленіе нѣкоторыхъ епископовъ и священниковъ объ отреченіи отъ христіанства публично; они слагали съ себя свой санъ, называя свое служеніе шарлатанствомъ. Такое положеніе дѣлъ было на руку атеистамъ, и они провозгласили „культъ разума“, и подвергали жестокимъ преслѣдованіямъ всѣхъ, которые оставались вѣрными христіанству. Въ сущности говоря въ это время уже совершилось отдѣленіе церкви отъ государства. Но этого ничего не было бы, если бы большинство духовенства не вело противно-правительственной агитаціи; тогда и папѣ Пію VII не пришлось бы пережить унижительныхъ дней плѣна въ Парижѣ; тогда и конкордатъ 1801—1813 года не имѣлъ бы той формы и не получилъ бы такого значенія, какую онъ имѣетъ и какое онъ получилъ во всей послѣдующей исторіи римскаго католицизма во Франціи. Этотъ конкордатъ представляетъ опытъ того, какъ юристы французскіе и юристы итальянскіе напрягали всѣ силы свои къ тому, чтобы обмануть другъ друга. Верхъ остался на сторонѣ французовъ, потому что за нихъ снорою стояла наполеоновская армія; но хотя конкордатъ и подписанъ напою, однако онъ въ

сущности своей никогда не признавался Римомъ во всемъ его значеніи, и многія статьи его при благоприятныхъ обстоятельствахъ не исполнялись Римомъ (во время реставраціи и второй имперіи); въ то же время, въ свою очередь, Франція жестоко платила Римскому престолу во время республикъ: цѣлый рядъ оскорбленій за это время былъ нанесенъ ему въ самой тяжелой формѣ, въ лицѣ римско-католическаго духовенства, въ лицѣ монашескихъ орденовъ и конгрегацій: французскій народъ не забылъ, да и никогда не забудетъ того поведенія своего высшаго духовенства, которое обнаружилось у него во время первой и послѣдующихъ революцій; народъ всегда будетъ помнить борьбу духовенства противъ республиканскихъ учреждений; сторонясь отъ духовенства въ политическихъ вопросахъ народъ сторонится отъ него и въ дѣлахъ вѣры. Конкордаты, написанный для правительства монархическаго, остается въ силѣ при всѣхъ политическихъ переворотахъ, бросая судьбу католиковъ то въ руки императорской, то въ руки конституціонно-королевской, то республиканской власти. Формально правовой порядокъ римско-католическихъ странъ, создавшій такое положеніе вещей, убилъ живую связь Церкви и государства, и когда теперь во Франціи говорятъ объ отдѣленіи Церкви отъ государства, то, въ сущности, говорятъ о томъ, чтобы юридически констатировать уже совершившееся дѣло; а совершилось оно тогда, когда французское духовенство бросило своихъ пасомыхъ на произволъ судьбы, впуталось въ государственныя дѣла, и не хотѣло признать той истины, что совершеніе государственныхъ переворотовъ не дѣло Церкви, что царство Божіе не есть брашно или питіе, но правда и миръ, и радость о Дусѣ святѣ.

А. Булгаковъ.